

О чем помнит город? Мемориальный ландшафт малого города (на примере Белозерска)¹

DOI: 10.19181/inter.2020.12.2.2

Ссылка для цитирования:

Синицын В. В. О чем помнит город? Мемориальный ландшафт малого города (на примере Белозерска) // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 2. С. 29–48. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.2.2>

For citation:

Sinitsyn V. V. (2020) What Does the City Remember? Memorial Landscape of the Small Town (the Case of Belozyorsk). *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 12. No. 2. P. 29–48. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.2.2>

Виктор Синицын*

Конструирование памятного ландшафта города — комплексный процесс, на который воздействуют различные заинтересованные группы, между которыми возможны конфликты интересов. Этот тезис разворачивается в статье с опорой на результаты эмпирического исследования мемориального ландшафта городской среды Белозерска как малого города Вологодской области. Проведя краткий обзор исторических вех развития города, автор фокусирует внимание на трех мемориальных инициативах: проекте о традиционном рыболовецком промысле, проекте о финно-угорских корнях населения города и внешней инициативе по консервации руин

¹ Проведение первого «настоящего» исследования — особенный этап в работе начинающих специалистов, требующий не только личной инициативы, но и активного участия целой команды. Хочу выразить искреннюю благодарность всем, кто имел отношение к организации исследования и помогал на каждом этапе, начиная от первого дня «в поле» и заканчивая последним абзацем настоящего текста: руководителям экспедиции — А. С. Максимовой и В. В. Кобыще за их опыт и открытость к сотрудничеству; моим коллегам по экспедиции, особенно А. В. Барышниковой за поддержку и помощь в правке черновых вариантов, и Т. С. Ремизовой за ее внимательность и мастерство фотографии; отдельное спасибо В. С. Носовой за ее талант точных формулировок; а также А. В. Стрельниковой за мотивацию, терпение и чуткость в работе со студентами.

* Синицын Виктор — магистрант факультета социальных наук, стажер-исследователь Научно-учебной лаборатории социальных исследований города факультета городского и регионального развития, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», vvsinitsyn@hse.ru.

церкви Рождества Христова в Крохино. Опираясь на материалы интервью с участниками мемориальных инициатив, а также с представителями городской власти и незадействованными в работе над проектами местными жителями, в статье уточняется механизм возникновения и развития коллективной заинтересованности в превращении того или иного сюжета в публичное место памяти, где существенную роль играет его оправдание с позиций логики «мира рынка» и логики «домашнего мира».

Ключевые слова: место памяти; малый город; Белозерск; публичное пространство; коллективная память; приватная память; экспедиция

«Мы живем в эпоху мирового торжества памяти» — так еще на пороге XXI века охарактеризовал одну из тенденций современного культурного процесса знаменитый французский историк П. Нора (Нора, 2005). Спустя несколько десятилетий данный тезис нисколько не утратил своей актуальности. Обращение к событиям и стилистике прошлого и по сей день остается крайне актуальным лейтмотивом современности, проявляясь на различных этапах циркуляции культуры (Джонсон, 2012: 88) — от политической практики «изобретения традиции» (Хобсбаум, 2015: 7–17) до произведений массовой культуры, осознанно отказывающейся от новаторства в пользу уже знакомых по форме и содержанию высказываний (Нойс, 2018: 127).

Данная статья посвящена анализу особенностей конструирования мемориального ландшафта городской среды Белозерска и деятельности групп акторов, влияющих на этот процесс. Наиболее подходящим инструментом описания связи эфемерного понятия памяти с коллективно обозримым материальным воплощением является концепция «мест памяти» как опознаваемых «убежищ» истории в городской среде (памятники, музеи, стелы, статуи и пр.) (Нора, 1999). По мере увеличения доли присутствия прошлого в актуальной повестке все острее встает проблема избирательности при составлении мемориальных ландшафтов, особенно на уровне утверждения коллективных коммеморативных форм (памятных дат, коллективных праздников, географических или внутригородских наименований, общедоступных материальных памятных форм и пр.). Зачастую непроблематизируемое в обыденной установке запоминание оказывается предметом конкурентного противостояния заинтересованных групп, поскольку память всегда конкретна, а ресурс запоминания ограничен. Иными словами, любые выражения памяти «были задуманы и созданы теми, кто хотел сохранить память о событиях и людях, о которых другие склонны забывать» (Wagner-Pacifci, Schwartz, 1991: 382).

Тезис о неустойчивости коллективной памяти и о ее зависимости от прочих составляющих культуры открывает большой потенциал для социологического и исторического изучения специфики формирования мемориальной повестки различных сообществ и разногласий в ходе этого процесса. В ходе нашего анализа мы опираемся на концептуальные ресурсы «социологии критической способности» (Болтански, Тевено, 2000: 76–79), позволяющей

классифицировать причины разногласий в общественной жизни, что вполне применимо для анализа городских инициатив. Болтански и Тевено выделяют шесть относительно устойчивых «миров», или мотиваций: мир вдохновения, домашний мир, гражданский мир, мир мнения, мир рынка и индустриальный мир. Мир вдохновения характеризуется значимостью эмоциональных переживаний, необычностью, способностью удивлять. Домашний мир отсылает к ценности традиции и иерархии личных отношений; здесь значимы уважение и репутация. В мире мнения значимы признание общности и приобретение известности. Гражданскому миру соответствует деиндивидуализированная ценность общего интереса, характеризующаяся способностью к мобилизации большого числа людей. Для мира рынка характерны конкурентные отношения, а значимой является рыночная стоимость, выраженная в денежном эквиваленте. Индустриальный мир отсылает к ценности профессиональной деятельности.

Демонстрируя историю создания тех или иных «мест памяти», мы остановимся на кратком изложении исторического контекста Белозерска с выделением генеральных памятных сюжетов и затем попытаемся прояснить принципы избирательности в установлении коллективной мемориальной повестки. Поскольку описание истории каждого отдельного памятника представляет собой слишком объемную задачу, подробно в настоящем тексте будут разобраны три примера, вокруг которых наиболее активно выстраиваются обсуждения, конфликты и солидарности. Среди них: проект «Крохино» (музей-памятник и консервация руин храма Рождества Христова на месте затопленного поселка), реализуемый иногородними активистами вопреки скептическому отношению локального сообщества; нереализованный проект местного жителя по созданию музея финно-угорской культуры «Белозерская весь»; успешные проекты местных жителей (музей «Традиционные лодки Белозерского края», и документальный фильм «Государев рыбный двор», посвященный традиционному быту рыбаков, исторически проживавших на данной территории, и ставший частью экспозиции музея Белого озера).

Методы и эмпирическая база

Исследование было проведено в 2018 году в рамках студенческой экспедиции проекта «Открываем Россию заново» НИУ ВШЭ². Одним из тематических направлений экспедиционной работы стало изучение материального воплощения памятных сюжетов, в частности, особенности составления мемориальной повестки города, которые и будут проанализированы в данной статье. Поиск городских мест памяти для последующего анализа проходил в несколько этапов. Вначале — посредством обращения к информации из открытых источников: туристических сайтов и административной документации

² Подробнее об экспедиции см.: <https://igiti.hse.ru/news/222052534.html> (дата обращения: 15.04.2020).

о планах развития города. В дальнейшем полученный первичный список дорабатывался в процессе личного наблюдения за городской средой и интервью с местными жителями.

Всего в рамках экспедиции было проведено порядка 90 интервью на различные темы, связанные с памятью и традицией, восемь из которых были проведены при участии автора (цитаты из этих интервью используются в данной статье)³. Рекрутинг информантов осуществлялся совместными усилиями экспедиционной группы, полученные данные и предварительные результаты обсуждались и дополнялись на ежедневных групповых обсуждениях. Для решения исследовательских задач было составлено четыре структурированных гайда: для инициаторов создания места памяти, людей, участвовавших в его реализации, представителей местной администрации и сторонних наблюдателей — местных жителей, не имеющих прямого отношения к памятным инициативам. Гайды состояли из нескольких тематических блоков, посвященных личности информанта, мотивам участия в создании места памяти, роли информанта в соответствующем процессе, а также сопутствовавшим или препятствовавшим обстоятельствам, повлиявшим на успех или неудачу проекта. Помимо вопросов, связанных с задумкой и реализацией конкретной инициативы, отдельный блок был посвящен разговору об осведомленности и отношении собеседника к уже существующим или создаваемым на момент экспедиции памятным местам и мемориалам. Таким образом, полученные эмпирические материалы представляют собой срез данных о мотивации инициативных групп горожан и способах продвижения и осуществления мемориальных инициатив, а также о самих инициативах, причем как об успешно реализуемых, так и о тех, которым, в силу различных обстоятельств, не было суждено реализоваться.

Обнаруженные места памяти и инициативы по их созданию анализировались согласно следующим исследовательским интуициям, представленным Вагнер-Пачивичи и Шварцем: 1) составление «насыщенного» описания кейса, направленного на раскрытие концептуальных структур, лежащих в основе субъективных действий; 2) дискурс-анализ, чувствительный к инскрипциям значений в различных социальных контекстах; 3) проведение сравнительного анализа, позволяющего прийти к общим выводам (Wagner-Pacifici, Schwartz, 1991: 383).

Прошлое в городской среде Белозерска

География проведенного исследования обладает рядом специфических черт, которые необходимо прояснить, прежде чем перейти к описанию

---

³ Из них семь интервью были проведены с местными и иногородними активистами, занимающимися созданием и поддержкой мест памяти; одно парное интервью — с представительницами местной молодежи, не связанными с памятными организациями. Также в анализе мы опираемся на интервью с представителем городской администрации, которое было проведено руководителями экспедиции.

памятных сюжетов в городской среде Белозерска. Начнем с того, что во время экспедиции Белозерск представлял собой характерный пример периферийного, в масштабах страны, малого города. По данным Федеральной службы государственной статистики, в январе 2018 года в городе проживало 9236 человек, при этом, согласно Стратегии социально-экономического развития Белозерского муниципального района до 2020 года, показатели оттока населения, количества рабочих мест и уровня благосостояния горожан в период 2010-х годов постепенно ухудшались. Соответствующие экономические и демографические характеристики влияют на содержательную и методологическую стороны исследования. Малочисленность населения делает Белозерск удобным объектом для изучения, поскольку сообщество в подобных городах, как правило, представляет сравнительно гомогенную группу, каждый участник которой осведомлен о различных аспектах актуальной городской повестки, включая появляющиеся инициативы в области овеществления тех или иных памятных сюжетов. Следовательно, изучаемые процессы принимают здесь более наглядный характер. Также постепенное ухудшение актуальной экономической ситуации отчасти сказывается на актуализации памятного нарратива среди коренного населения. Для прояснения этого тезиса необходимо обратиться к историческому контексту развития города. Общий вид на город представлен на фото 1.

Фото 1. Белозерск, вид на озеро и церковь Спаса Всемилоственного с земляного вала вокруг Белозерского Кремля, июль 2018 г.

Источник: фото участницы экспедиции Т. Ремизовой.

Первое летописное упоминание о Белозерске датируется 862 годом, для сравнения первое упоминание Вологды и Москвы — 1147 год. В разное время Белозерск был стратегически важным оборонительным постом, одним из важнейших экономических центров на территории торгового пути,

ключевым транспортным узлом Мариинского водного пути, местом возникновения знаковых произведений поэзии и кинематографа. Местность славилась рыбным промыслом, рыбной ловлей занималась большая часть населения. Во времена расцвета на деньги купцов строились дома, церкви, торговые ряды, сформировавшие городскую среду. Однако переопределение границ государства, изменение векторов торговых путей, а затем распад Советского Союза и приватизация рыболовецкой отрасли постепенно приводили к упадку привычных практик и видов деятельности. Плохое развитие инфраструктуры сделало город труднодоступным, что затрудняет его развитие (и в частности развитие туризма)⁴.

Фото 2. Рукодельный макет Белозерского Кремля второй половины XV в., выполненный местным жителем. Белозерский Областной Краеведческий Музей, июль 2018 г.
Источник: фото В. Синицына.

Из исторической перспективы развития проистекают четыре основных сюжета меморизации, обнаруженных в городском пространстве Белозерска: в первую очередь это *рыболовецкий промысел и быт рыбацкой деревни*. Вторым сюжетом является *память о выдающихся личностях, родившихся здесь или имевших отношение к истории города*. Среди них В. М. Шукшин, И. П. Малоземов, С. С. Орлов — выдающиеся поэты, фронтовики, деятели искусства. Отдельное место занимает *военная тематика*, глобально составляющая повестку общероссийской коллективной памяти (ВОВ и Куликовская битва). Соответствующие сюжеты представлены в городской среде при широкой поддержке одновременно административных ресурсов города и инициативы местных жителей, помогающих в организации деятельности

⁴ Стратегия социально-экономического развития Белозерского муниципального района на период до 2020 года // Администрация Белозерского муниципального района Вологодской области. URL: <https://belozer.ru/wp-content/uploads/2017/11/990.pdf> (дата обращения: 30.04.2019).

музеев и организующих собственные локальные места памяти⁵. Своеобразным памятным сюжетом можно назвать и *подчеркивание образа старинного города* (см. фото 2).

Отношение локального сообщества к городскому прошлому

В ходе исследования нами были зафиксированы ностальгические представления об утраченном прошлом и об обесценивании практик, еще недавно составлявших основу повседневного образа жизни. В результате значительная часть местных жителей фокусируется на собственном будущем, связывая его с переездом из города, или же, напротив, концентрируясь на текущих задачах, например, на работе или учебе. Меньшая часть горожан, не способных или не желающих мириться с утратой, проявляет инициативу по сохранению свидетельств и атрибутов прошлого. Иногда стремление сохранить воспоминания о прошлом становится подспорьем для вклада в развитие туристической отрасли и в будущее — собственное и города в целом. Например, это происходит в случае сотрудничества с музеями.

Задачи по сохранению памяти декларируются представителями городской власти. Об этом упоминалось как во время интервью, так и в соответствующей документации с планами городского развития, ключевым направлением которого, наряду с охотой и рыбалкой, является исторический и культурный туризм: возможность прикоснуться к «прошлому» и почувствовать дух старинного русского города. Отметим, что в ходе экспедиции нами была обнаружена эксплуатация памятных сюжетов в формальных городских мероприятиях. Например, приуроченный ко дню города фестиваль «Былины Белоозера» ежегодно проходит в середине июля и преподносится властями как *«главное туристское событие»* и *«наиболее значимое культурно-просветительское мероприятие»*⁶, призванное поддерживать основной туристский бренд города: «Белозерск — былинный город»⁷. Вместе с тем местные жители неоднократно отмечали формальный характер празднования и относительно слабую заинтересованность в его посещении. Так, местная жительница отметила, что своего рода «целевой аудиторией» фестиваля оказались мигрировавшие уроженцы города, рассматривающие его как повод вернуться в родные края:

«Большую часть, можно сказать, что не видела... не могу даже ничего толком сказать... Ну а что сказать, для города как бы такой праздник, люди встречаются, родственников много съезжается... Для местных это

⁵ Например, мемориальный дом-музей С. С. Орлова, созданный по инициативе его родственников, организация школьного музея в СОШ № 1 им. И. П. Малоземова; памятник В. М. Шукшину, установленный по инициативе и на средства местных жителей.

⁶ Стратегия социально-экономического развития Белозерского муниципального района на период до 2020 года // Администрация Белозерского муниципального района Вологодской области. URL: <https://belozer.ru/wp-content/uploads/2017/11/990.pdf> (дата обращения: 30.04.2019).

⁷ Там же.

получается [смеется] такой праздник своеобразный, потому что в основном все вынуждены принимать гостей у себя дома, кормить, поить, мыть посуду, стелить постель, в общем, местные всегда стонут от этого праздника... Ну а так-то это, конечно, событие такое, встряска определенная, не так уж у нас много праздников в городе» (Т., пенсионерка, жительница Белозерска, волонтер фонда «Крохино»⁸).

Несмотря на то, что название и концепция фестиваля предполагают отсылку к истории и традиции Белозерска, на деле значительная часть программы не связана с историческим наследием города. Во время празднования в городе открывается несколько площадок, посвященных псевдотрадиционным формам фольклора и ремесла. Большую часть программы также занимают приглашенные из соседних городов и областей коллективы, например из Череповца. Аналогичную ситуацию можно было наблюдать и на одном из крупнейших объектов фестиваля — «Белозерской ремесленной ярмарке»: ярмарочные ряды преимущественно наполнены продукцией фермеров и мастеров из разных городов Вологодской области, в то время как немногочисленные «аутентичные» товары представляют собой пример «изобретенной традиции»⁹.

В целом можно выделить две логики развития мест памяти: как способ сохранения лично значимых фрагментов жизни горожан и как инвестиции в развитие туристической отрасли.

Память о рыболовецком промысле

Обратимся к более подробному рассмотрению избранных историй создания памятных мест и начнем с рыболовецкого промысла. Как уже было отмечено, одним из наиболее представленных в городской среде Белозерска памятных сюжетов является рыбная ловля. Разговоры о рыбной ловле в Белозерске заводятся повсеместно — от домов в соседних селах до собраний городской администрации и фестиваля «Былины Белоозера». Рыбной ловле посвящены несколько экспозиций в городских музеях (музей Белого озера, музей «Традиционные лодки Белозерского края», зал судоходства и рыболовства в краеведческом музее). Про рыбалку и рыбаков был снят большой документальный фильм по инициативе и с участием жителей входящего в состав Белозерска рыбацкого села Маэкса, там же традиционно местные жители каждый год собираются отмечать день рыбака. Во время торжественного открытия экспозиции музея Белого озера «Государев рыбный двор», на котором нам удалось

⁸ Фонд «Крохино» — используемое в статье сокращенное название фонда «Центр возрождения культурного наследия “Крохино”».

⁹ Ознакомиться с программой фестиваля можно на сайте «Культура в Вологодской области», URL: <http://cultinfo.ru/news/2018/7/for-the-eighth-time-in-the-region-will-sound-epic-18?Y=2018&M=7&CODE=for-the-eighth-time-in-the-region-will-sound-epic-18> (дата обращения: 01.05.2020).

присутствовать (см. фото 3), глава Белозерского муниципального района Е. В. Шашкин посвятил значительную часть своего выступления презентации рыбной ловли как одного из основных достоинств города, во все времена прославлявшего Белозерск как на территории Вологодской области, так и за ее пределами. Параллельно глава района неоднократно отмечал разделяемое лично равнодушие местных жителей к исконному промыслу, проявляющееся, в частности, в популярности воздвигнутого недавно памятника Белозерскому судаку на городской набережной. Примечательно, что даже на гербе Белозерска располагаются две скрещенные стерляди.

Фото 3. Открытие экспозиции «Государев рыбный двор», музей Белого озера, июль 2018 г.
Источник: фото В. Сеницына.

Несомненно, рыбалка долгое время была главным промыслом белозерцев, но, как упоминалось ранее, ситуация кардинально изменилась: некогда кормящее и прославляющее город ремесло постепенно становилось все менее востребованным. Поменялась техника ловли рыбы: если раньше это занятие требовало постоянного внимания и участия большого количества людей, теперь процесс рыбной ловли происходит под гораздо меньшим контролем, что привело к обесцениванию рыбацкого труда. В результате молодежь не рассматривает эту профессию при выборе жизненной траектории и не обучается ей, и ремесло постепенно уходит на второй план:

«Дети, внуки видят с детства, что... Во-первых, тяжело, а если по сути дела разобраться, прибыли от этого практически никакой и нет... А с другой стороны, деваться людям некуда, куда они еще пойдут работать...»
(С., пенсионерка, сотрудница местного дома культуры).

Жители, заставшие эпоху расцвета рыбной ловли, вспоминают это время с тоской и ностальгией, часто это проявляется в историях из детства и сравнении жизни тогда с жизнью сейчас:

«Раньше-то люди жили семьями... Семьи были по 8–9 человек, а теперь... Начинается путина осенняя, у нас дом был родительский на Заречной улице, если посмотреть из окошка — рыбаки собрались и идут цепочкой нескончаемой, потоком, со своими котомочками, рюкзаками... Жизнь бурлила, а сейчас ничего не бурлит, потому что действующих рыбаков осталось, наверное, человек шесть...» (С., пенсионерка, сотрудница местного дома культуры).

Ощущение утраты «общего дела, объединявшего семьи и город», подвигло С. снять документальный фильм об оставшихся рыбаках, ныне используемый в качестве части экспозиции одного из местных музеев:

«Это получилось чисто случайно, сначала думала внуку — пусть узнает, кем был дедушка, кем прадедушка, потом как стукнуло по голове... Бессонница просто была, как шли рыбаки один за одним на свою путину, мне пришла мысль в голову: а сейчас-то кто у нас остался? ... Просто стало страшно, что все, их нет...» (С., пенсионерка, сотрудница местного дома культуры).

Схожая интенция прослеживалась и в случае создания музея «Традиционные лодки Белозерского края». По словам К., его создателя и, по совместительству, единственного экскурсовода, сначала он просто «спасал» старинные предметы быта, собирая у себя на участке выброшенные новыми хозяевами домов. Кроме того, эти предметы имели для него особенную ценность, поскольку сам К. — мастер древесной резьбы и «знает им цену». Когда предметы уже не помещались на дворе, он договорился с администрацией о выкупе здания и открыл свой музей, на котором он теперь зарабатывает, проводя экскурсии для туристов (см. фото 4).

Обе описанные инициативы по увековечению старинного промысла местных жителей были реализованы без каких-либо ощутимых препятствий ни на этапе сбора материала, ни после, в процессе формального согласования нового «памятника» в городской среде, чего не скажешь о проектах фонда «Крохино» и «Белозерская весь», о которых пойдет речь далее. Предположительно это связано с тем, что тематика рыбной ловли и сопутствующие ей атрибуты доиндустриального, зачастую ручного и массово распространенного среди старшего поколения коренных жителей труда одновременно оказывались востребованными как со стороны потерявших «общее дело» горожан, так и с позиции городской администрации, взявшей курс на создание туристического образа былинного города. При этом реализация места памяти основывалась на уже имеющемся материале, не требующем значительного привлечения сторонних ресурсов, помимо времени и устремленности местных активистов. Вернемся к более подробному размышлению о причинах успехов

Фото 4. К. проводит экскурсию в музее «Традиционные лодки Белозерского края», июль 2018 г. Источник: фото В. Сеницына.

или неудач инициатив по созданию «мест памяти» позже, а пока остановимся на другом примере инициативы, также проявленной одним из коренных белозер, но не оказавшейся столь успешной в реализации.

Память о финно-угорских корнях: проект «Белозерская весь»

О другом примечательном сюжете нам рассказал Г., один из местных пенсионеров, бывший капитан и заместитель начальника Белозерского речного порта, а также сотрудник Белозерского краеведческого музея, принимавший активное участие в оформлении и собственноручно создавший ряд его экспозиций. На момент предложения инициативы по сохранению памяти о финно-угорских корнях у Г. уже имелся опыт успешного запечатления памяти в городской среде. Так, на фоне обеспокоенности горожан разрушением большого количества исторической застройки и отсутствия средств на ее восстановление им был реализован собственный проект по созданию и музеефикации макетов ансамбля всех местных храмов и церквей, включая те, что во время реализации проекта уже были разрушены. Помимо 17 храмов и церквей, в нем представлен макет Белозерского Кремля второй половины XV в. Обе экспозиции были сделаны Г. вручную. Говоря об обустроенной лично экспозиции зала, Г. отметил, что ее реализации способствовала необходимость формального наполнения музейных комнат: дело в том, что музей хотели переместить в более мелкое здание из-за транспортировки части экспонатов в вышестоящие по иерархии музеи. Другой проект Г. — подаренная музею личная коллекция археологических находок, также составляющих экспозицию отдельного зала краеведческого музея.

Говоря о местах памяти в Белозерске, помимо перечисления списка имеющихся в открытом доступе музеев и памятников, Г. рассказал об одной из нереализованных личных инициатив по созданию музейной экспозиции, посвященной финно-угорской истории Белозерска. Согласно его словам, северо-запад России исторически был территорией проживания финно-угров, о чем сейчас незаслуженно забыли:

«Мы ведь как, зациклились на славянах, у нас русское, славянское все, вот, а этих мы и знать не знаем, понимаешь... а это настолько же все интересно, я уверен, лет через 50, может, через 100 это будет интереснейшая тема, представляешь, то есть каменный, бронзовый век, финно-угорская составляющая вот в русском народе... А у нас, на Белом озере, вот до этого мы еще не доросли, нам наплевать на эту культуру каменного века... простому человеку эта археология — тьфу, вот, финно-угорская тем более, и мне вот говорили, мол, “эта тема неинтересна людям, брось ты ее к черту!”» (Г., пенсионер, бывший сотрудник краеведческого музея).

Доказательства своей теории Г. находит в специфических археологических находках на территории Белозерска и в особенностях местного диалекта:

«Например, черепки обычные, причем все идет без гончарного круга, то есть гончарный круг будто сюда наши предки славяне завезли, ну, может быть, тысячу лет назад», в названиях географических объектов «встречается в источниках печатных, “езеро” и “Новоезеро” — это вот где тюрьма “Пятак”, Новоозеро называется. Я спрашиваю историка, учителя, как переводится, он говорит, “ну, русские приехали, новое, так и новое, все”, я говорю “ез” — это рыболовный закол ... “езы” — это вепское слово, а вот если часть реки, тогда заездок и ставили, значит, эти, рюси, морды и так далее этими езами городили реку до Петровского указа» (Г., пенсионер, бывший сотрудник краеведческого музея).

«Он (сторож. — Прим. авт.) говорит “не знаешь, что ли, что такое пожок?”. Я: “А чего?” — “Костер”... Вот, и он-то думает, и все мы думаем, что “пожок” — это костер от слова «жечь». Взял опять этот словарь, русско-вепский, смотрю: “пожак” — костер по-вепски...» (Г., пенсионер, бывший сотрудник краеведческого музея).

Сам Г. на собственные средства написал и издал книгу «Журавли фараона», посвященную сравнению культуры древних финно-угров Белоозера и культуры древнего Египта как одних из наиболее развитых. Кроме того, он лично составил словарь местного диалекта, а также долгое время пытался привлечь внимание горожан и администрации к созданию в Белозерске музея финно-угорской культуры «Белозерская весь» и съемкам

соответствующего документального фильма. Несмотря на весомый личный вклад в развитие музейной инфраструктуры города и известность инициатора в кругах администрации и сообщества горожан, проект музея финно-угорской истории города к моменту издания статьи так и не был реализован. Созданию мемориала финно-угорской истории препятствуют одновременно ресурсоемкость плана и неубедительность идеи в глазах местной администрации и широкого круга горожан, потенциально способных хотя бы отчасти их компенсировать. Тем не менее, несмотря на непонимание среди представителей местного сообщества, на момент проведения исследования Г. не оставлял попыток реализовать свой замысел и даже сообщил о намерении обратиться за финансовой поддержкой к департаменту культуры Финляндии.

Примечательно, что, объясняя значимость проекта, Г. апеллировал к «общечеловеческим» ценностям, противопоставляя их местническому интересу окружающей публики, проявляющемуся либо в отсутствия интереса к прошлому вовсе, либо его ограниченностью мифологизированным образом славянского наследия. Похожий нарратив был обнаружен и в разговоре с главной героиней заключительного памятного сюжета — Н., вдохновительницей и главным организатором фонда «Крохино», работающего над консервацией руины церкви Рождества Христова. При этом сам Г., обсуждая деятельность фонда, уже оказался в числе противников создания соответствующего мемориала, аргументируя свою позицию его экономической нерентабельностью и незаинтересованностью местного населения. Тем не менее, несмотря на скептицизм со стороны местных жителей, единогласно признаваемый в риторике обоих героев, проект фонда «Крохино» успешно реализуется, с каждым годом приближаясь к полному воплощению задумки организаторов¹⁰. Остановимся на истории создания мемориалов, связанных с Крохино, более подробно в следующей главе.

Память о затопленном селе Крохино

Крохино — это название села, до 1961 года находившегося в 17 километрах к востоку от Белозерска. После создания обводного канала вокруг Белого озера, Крохино было затоплено, а местные жители принудительно переселены в окрестные населенные пункты (Росляково, Белозерск и прочие). На данный момент на месте бывшего поселения проходит фарватер, по которому регулярно проплывают суда, а о бывшем поселении напоминает лишь возвышающаяся над поверхностью воды полуразрушенная церковь Рождества Христова. Какое-то время строение поддерживалось в качестве действующего маяка, но:

¹⁰ См. подробную информацию о ежегодных результатах работы фонда на официальном сайте: Центр возрождения культурного наследия Крохино. URL: <https://krokhino.ru/news/> (дата обращения: 01.05.2020).

«Идею вскоре забросили, потому что надо обслуживать, опять же, надо минимум как 3 человека мотористов держать — и там, и там, а они решили, что 9 штук буев поставят по всей трассе, ось Белого озера, вот тебе буй и ходи туда-сюда все время, не заблудишься» (Г., пенсионер, бывший сотрудник краеведческого музея).

Живописно возвышающийся над водой храм с завидной регулярностью привлекал внимание представителей искусства и общественных деятелей, с каждым разом все более приобретая облик руины (см. фото 5, 6). В своем первоизданном виде храм был запечатлен в знаменитой серии одного из пионеров цветной фотографии М. Прокудина-Горского, выполненной в самом начале XX века. Тот же храм, но уже затопленный в основании, можно увидеть в одной из сцен фильма «Калина красная» В. М. Шукшина. Уже в 2013 году «Крохинская церковь близ Белозерска» появляется в документальном фильме Л. Парфенова «Цвет нации». Реставраторы же до открытия благотворительного фонда «Центр возрождения культурного наследия “Крохино”» в 2009–2011 годах обходили это место стороной. Помимо работы над консервацией руин храма активисты фонда занимаются поиском и запечатлением историй переселенцев. Говоря о возникновении инициативы по созданию фонда, его организатор ссылается на чувство досады за утраченное наследие страны, возникшее во время просмотра документального фильма о затопленных городах и селах. На момент проведения экспедиции в планах фонда было завершение работ по консервации руины храма, создание музея, в котором будут собраны истории переселенцев, и воздвижение памятника на набережной в Белозерске. Помимо этого, одной из целей работы фонда является привлечение внимания правительства и граждан к проблеме сохранения историко-культурного наследия России¹¹.

Во время интервью с создателем и волонтерами фонда выяснилось, что в работах по восстановлению участвуют в основном представители других городов — Москвы или Санкт-Петербурга. Жители Белозерска же относятся к инициативе настороженно:

«Местные жители помогают, может, раз в год...» (Н., главный организатор фонда «Крохино»).

Впрочем, было отмечено участие сотрудников Краеведческого музея в качестве интервьюеров для сбора историй переселенцев. Одна из немногочисленных волонтеров фонда, относящаяся к числу местных жителей, на вопрос об отношении земляков к работе фонда, сказала, что люди здесь:

«Живут в своем мирке и ничего их не волнует» (Т., пенсионерка, жительница Белозерска, волонтер фонда «Крохино»).

---

¹¹ Центр возрождения культурного наследия Крохино: о фонде, URL: https://krokhino.ru/o_fonde/ (дата обращения: 01.05.2020).

Фото 5. Руины церкви Рождества Христова в Крохино, июль 2018 г.
Источник: фото участницы экспедиции Т. Ремизовой.

Для самих переселенцев тема переезда из Крохино часто является сензитивной настолько, что иногда они отказываются помогать в создании мемориала, например, не хотят говорить на эту тему с волонтерами фонда или просят не публиковать свои истории:

«Есть одна переселенка, причем она очень хорошо все помнит, если в группе (во «ВКонтакте». — Прим. авт.) что-то выложили, может и поправить — это было тогда-то, но она категорически не хочет ничего абсолютно... Вот она мне потом позвонила, говорит: “Ты меня так расстроила, я ночь не спала, у меня все в голове крутилось — может быть, моя бы жизнь сложилась по-другому если бы нас не переселили”» (Т., пенсионерка, жительница Белозерска, волонтер фонда «Крохино»).

Волонтер, в свою очередь, объяснила свое участие в работе фонда интересом к истории собственных родственников по линии отца.

Ярким примером скептического отношения к деятельности фонда со стороны местных жителей является позиция героя предыдущего раздела статьи. Как уже было сказано ранее, с точки зрения Г., данный проект не оправдывает требуемых для исполнения усилий ни с точки зрения привлечения туристического внимания, ни с позиции заинтересованности местного населения:

«Очень много надо там трудов, чтобы все это восстановить-то, а восстановишь ты, ну, потратишь ты, допустим, миллионов 50, и что там будет? Экскурсии — кто их будет проводить? Кто там будет жить? ... Как она будет восстановлена, с какой целью, экскурсионной? А как водить, возить? Причем она не имеет такого выдающегося значения, она, по-моему,

Фото 6. Участники экспедиции вместе с волонтерами фонда на месте проведения работ по консервации руин церкви, июль 2018 г.
 Источник: фото участницы экспедиции Т. Ремизовой.

ХІХ века, вот... Если бы она была где-то в селе, вот эта церковь, тогда понятно, что приход сделать...» (Г., пенсионер, бывший сотрудник краеведческого музея).

Помимо декларации нецелесообразности проекта, местные жители акцентировали внимание на сомнениях в искренности мотивов инициатора. Тем не менее Н. все-таки смогла найти ресурсы для продвижения своей инициативы, привлекая средства с общероссийских грантов, и единомышленников преимущественно из других городов.

Администрация города, в свою очередь, заняла лояльную, но пассивную позицию в отношении работы фонда:

«Город не будет препятствовать, но сам заниматься этим, я так подозреваю, не будет» (Н., главный организатор фонда «Крохино»).

С одной стороны это может быть связано с отсутствием достаточных финансовых ресурсов для инвестирования в сторонние проекты:

«Да город у нас — нищета вообще, у нас на электроэнергию денег нет — улицы освещать... начнется осень, потемнеет, у нас нет денег... город просто сидит в долговой яме» (Т., пенсионерка, жительница Белозерска, волонтер фонда «Крохино»).

Кроме того, создатель проекта заявляла о трудности формального сопровождения помощи, поскольку руины храма не внесены в официальный земельный реестр. При этом представители фонда «Крохино» приглашаются

к участию в ежегодном фестивале «Былины Белоозера», сотрудничают с местным Краеведческим музеем, а также организуют более или менее регулярные мероприятия, посвященные своей работе, например, показ документального фильма «Незатопленные истории Белого озера»¹². Можно предположить, что подобные шаги навстречу инициативе отчасти связаны с потенциальным вкладом проекта в развитие городского туризма. Поскольку кратчайший маршрут к будущему мемориалу проходит через Белозерск, успехи и планы организаторов фонда «Крохино», скорее всего, так или иначе будут прямо или косвенно влиять и на город.

Об избирательности запоминания в городской среде

Как показало исследование, места памяти, наполняющие городскую среду, не возникают в отрыве от инициативы и работы представителей сообщества. Иными словами, для ответа на вопрос «Почему в городе представлены эти, а не иные памятники?», необходимо предварительно ответить на вопросы «Кем и почему выдвигались инициативы по их установке?», «Какими были этапы их утверждения и реализации?» и «Были ли другие инициативы, и если да, почему их не удалось воплотить?».

Инициативы и инициаторы. Возникновение инициативы по актуализации некоторой ценности, находящейся в упадке или под угрозой исчезновения, на индивидуальном уровне обосновывается различными мотивами. Пользуясь терминологией Л. Тевено и Л. Болтански, соответствующие ценности условно можно отнести к домашнему миру и миру вдохновения (Болтански, Тевено, 2000). Первый тип мотивов связан со сферой «близкого», то есть некоторых сюжетов и объектов, имеющих отношение к биографии инициатора и оказывавших непосредственное влияние на его ощущение собственного благополучия. В этом случае потребность в сохранении памяти становится способом восполнения личной утраты путем непосредственного «спасения» ее атрибутов или создания иного символизирующего объекта. Второй тип мотивов связан с сюжетами и объектами, ценными даже несмотря на фактическую «отдаленность» от инициатора и при отсутствии прямого воздействия на его жизнь. В данном случае инициатива по созданию места памяти основывается на вдохновении, то есть эмоциональном воздействии запечатляемой формы, основанной на обезличенной ассоциации инициатора с более широкой группой людей, например, принадлежащих к одному государству.

От инициативы к публичному месту памяти: борьба приоритетов. Успех процесса трансформации инициативы по сохранению памяти в публичное доступное место зависит не только от базовой ценностной ориентации его инициатора, но и от ее соответствия логикам мира мнений

¹² Центр возрождения культурного наследия Крохино: Новости. URL: <https://www.krokhino.ru/news/> (дата обращения: 01.05.2020).

(совокупности разделяемых убеждений) и рынка (выгоды, выраженной в денежном эквиваленте). Если «формат» места памяти одновременно является оправданным в логике рынка и значимым для группы людей, готовых активно проявлять содействие в реализации и поддержании места на безвозмездной основе, то это наиболее эффективный вариант, способствующий появлению публичного места памяти. Однако преимущество в рамках одной из логик может компенсировать недостаток другой. Рыночный механизм компенсации, будучи связанным с наличием платежеспособной аудитории, часто достигается за счет выхода за пределы интересов местного сообщества, например, в пользу интересов группы туристов или других заинтересованных лиц. Учитывая тяжелое экономическое положение Белозерска, рыночная ценность обретает особенную актуальность в решении судьбы коммеморативных проектов, соразмерную значимости развития туристического потенциала города. Подобная ориентированность на туризм, с одной стороны, стимулирует создание коммеморативных форм, но, с другой стороны, способствует усугублению разрыва между мемориальным ландшафтом, представленным в виде городских памятников, музеев и официальных празднований, и актуальными памятными сюжетами, значимыми для местных жителей. Фактически требование соответствия рыночной логике становится одним из барьеров, увеличивающих и без того сравнительно высокий порог входа в подверженное инерции мемориальное поле городской среды, задавая границы приемлемого памятного нарратива в рамках городского бренда. Вместе с разрывом между двумя памятными повестками, предположительно, одним из результатов неудовлетворенности локального сообщества в приоритетах формирования памятного ландшафта является обозначение конфликта между представителями локальных и приезжих инициаторов мест памяти. Косвенным подтверждением такой тенденции может являться низкая активность местного населения в работе с представителями фонда «Крохино», прямым же проявлением стала критика с позиции инициатора нереализованного проекта музея финно-угорских корней.

Стейкхолдеры. Говоря об агентах инициативы и влияния в создании мемориалов и мест памяти, можно выделить три условные группы, разделяемые по признаку принадлежности к локальному сообществу и ценностной ориентации: представители городского управления, локальные и сторонние инициаторы мест памяти. Первые больше руководствуются рыночной логикой, размышляя в категориях создания привлекательного для туристов городского бренда. Вторые исходят преимущественно из ценностей домашнего мира, заботясь о сохранении лично значимых событий из сферы «близкого». Третьи же руководствуются ценностями мира вдохновения, поддерживая эмоционально воздействующие артефакты «отдаленного». Иногда эти логики могут сливаться, например, создатель музея «традиционные лодки Белозерского края» смог монетизировать первоначально безвозмездную инициативу сохранения атрибутов деятельности местных мастеров. Тем не менее различие между выделенными группами отчетливо

видно в риторике их представителей, поскольку соответствующие ценности проявляются как в презентации собственной деятельности, так и в критике представителей прочих групп. Например, в критике деятельности фонда «Крохино» и властных инициатив, вроде фестиваля «Былины Белоозера» со стороны местных жителей или в обратной критике некоторых местных инициатив или их отсутствия.

Заключение

Разбираемый в статье пример Белозерска демонстрирует, что составление памятного ландшафта города — комплексный процесс, на который одновременно оказывает воздействие целый ряд заинтересованных групп. Поэтому корректнее говорить о множестве ограничений и предпосылок, необходимых для закрепления места памяти или мемориала в городском ландшафте. С одной стороны, это индивидуальная избирательность потенциальных инициаторов, руководствующихся ценностями сохранения значимых фрагментов прошлого, с другой стороны — избирательность, диктуемая необходимостью развития туристической сферы и направленная на создание привлекательного образа для внешнего зрителя. Избирательность первых основывается на ценностях «домашнего мира» и «вдохновения», вторых — на ценностях «мира рынка». Однако даже этим круг условий, влияющих на общую избирательность городской памяти, не оканчивается: необходимо также учитывать буквальные ограничения вместимости городского пространства и затратность обслуживания памятных мест и мемориалов, что иногда приводит к инерционному сохранению некоторых теряющих актуальность инициатив и к затруднениям в реализации новых.

Литература

- Болтански Л., Тевено Л. Социология критической способности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 3. С. 66–83.
- Джонсон Р. Так что же такое культурные исследования // Логос. 2012. № 1 (85). С. 80–135.
- Нойс Б. Дни минувшего будущего: состояние акселерационизма // Логос. 2018. Т. 28. № 2. С. 125–138. DOI: <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2018-2-125-136>
- Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2 (40–41). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html> (дата обращения: 15.04.2019).
- Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / Под ред. П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т, 1999. С. 17–50.
- Хобсбаум Э. Массовое производство традиций: Европа 1870–1914 // Неприкосновенный запас. 2015. № 6. С. 7–17. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2015/6/massovoe-proizvodstvo-tradiczij-evropa-1870-1914.html> (дата обращения: 15.04.2019).
- Wagner-Pacifici R., Schwartz B. The Vietnam Veterans Memorial: Commemorating a Difficult Past // American Journal of Sociology. 1991. Т. 97. № 2. С. 376–420. DOI: <https://doi.org/10.1086/229783>

Дата поступления: 30.04.2019

What Does the City Remember? Memorial Landscape of the Small Town (the Case of Belozyorsk)

DOI: 10.19181/inter.2020.12.2.2

Viktor Sinitsyn

Sinitsyn Viktor — Master's student, Faculty of Social Sciences; Trainee Researcher, Laboratory for Urban Sociology, Faculty of Urban and Regional Development, HSE University, vsinitsyn@hse.ru.

The article presents the results of an empirical study of the urban memorial landscape of Belozyorsk (Vologda region). The author makes the assumption that drawing up a memorable landscape of the city is a complex process which various stakeholders are involved in. Providing a brief overview of the historic milestones of one of the oldest cities in Russia, the author focuses on a detailed description of three memorial initiatives: local initiatives to establish the museum of fishing and Finno-Ugric heritage, as well as external initiative to conserve the ruins of Church of the Nativity in KrokhiNo. The analysis is based on semi-structured interviews with representatives of local and external initiative groups, city government and local residents who were not involved in the memorial projects. In the conclusion of the article, the author clarifies mechanisms of individual interest in remembering genesis and its further transformation into a public memory site.

Keywords: memory site; small town; Belozyorsk; public space; collective memory; private memory; expedition

References

- Hobsbawm E. (2015) Massovoye proizvodstvo traditsiy: Evropa 1870–1914 [Mass-producing traditions: Europe, 1870–1914]. *Neprikosnovenniy zapas* [Untouchable reserve] No. 6. P. 7–17. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2015/6/massovoe-proizvodstvo-tradiczij-evropa-1870-1914.html> (accessed 15.04.2019). (In Russ.)
- Johnson R. (2012) Tak chto zhe takoye kul'turniye issledovaniya? [What is cultural studies anyway?]. *Logos*. No. 1 (85). P. 80–135. (In Russ.)
- Nora P. (1999) Problematika mest pamyati [The issue of memory realms]. *Franciya-pamyat'* [France-memory]. SPb.: Sankt-Peterburgskiy Universitet. P. 17–50. (In Russ.)
- Nora P. (2005) Vsemirnoye torzhestvo pamyati [Worldwide memory triumph]. *Neprikosnovenniy zapas* [Untouchable reserve]. No. 2 (40–41). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html> (accessed 15.04.2019). (In Russ.)
- Noys B. (2018) Dni minuvshogo budushchego: sostoyanie akseleracionizma [Days of Phuture Past: Accelerationism in the Present Moment]. *Logos*. Vol. 28. No. 2. P. 125–138. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2018-2-125-136>
- Thevenot L., Boltanski L. (2000) Sociologiya kriticheskoi sposobnosti [Sociology of critical capacity]. *Zhurnal sociologii i social'noi antropologii* [Journal of sociology and social anthropology]. Vol. 3. No. 3. P. 66–83. (In Russ.)
- Wagner-Pacifici R., Schwartz B. (1991) The Vietnam Veterans Memorial: Commemorating a Difficult Past. *American Journal of Sociology*. Vol. 97. No. 2. P. 376–420. DOI: <https://doi.org/10.1086/229783>

Received: 30.04.2019